

Э.С. Денисова

Кемеровский государственный университет

**Проблемы словотворчества в контексте
антропологической теории В. фон Гумбольдта
(онтологический и функциональный аспект)**

Аннотация: В статье освещаются вопросы, касающиеся генезиса языка и слова, соотношения понятий языкотворчества и словотворчества, факторов зарождения нового в языке (онтологический аспект), восприятия и продуцирования новой единицы индивидом (функциональный аспект). В центре исследования находится деривационный компонент языковой способности личности.

Questions concerning genesis of language and a word are concerned, parity of concepts creativity in language and formation of words, factors of origin new in language (genetic aspect), recognition and use of new unit by the individual (functional aspect). Derivation a component of language ability of the person is at the centre of research.

Ключевые слова: инновация, языкотворчество, словотворчество, креативная языковая личность, деривационный компонент языковой способности, принцип мотивированности.

New word, creativity in language, formation of words, the creative language person, derivation component of language ability, principle of correlativity.

УДК: 81'373. 611.

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, филологический факультет. Тел. (3842) 582745. E-mail: elvdenisova@yandex.ru.

Уточнение и расширение постулатов структурной лингвистики, рассматривающей язык как обособленный от индивида объект, переход к синтезу философии и языка позволили В. фон Гумбольдту в своих работах показать ущербность существующих подходов к «самой глубокой и загадочной сфере языка» – словообразованию. Начиная с работ В. фон Гумбольдта можно говорить о создании целостной концепции не только генезиса языка как «интеллектуального инстинкта человека», его врожденной способности, но и теории речепорождения – акта творения слова, его актуализации в речи.

Ведущая теоретическая линия, связанная с выдвиганием на первый план представителя народа, нации, самосознающего себя индивида, внутреннее творческое начало которого является «неотъемлемой и повсеместной чертой всякой человеческой деятельности» [Гумбольдт, 2001, с. 48], обусловила гумбольдтовское понимание словотворчества как высшего проявления языка, части единого процесса языкового созидания.

В своей антропологической теории В. фон Гумбольдт продолжает развивать проблемы, поставленные еще в античности Платоном [Платон, 1990, с. 613–681] и Аристотелем [Аристотель, 1976, с. 4–62]: вопросы соотношения субъективного / объективного начала в языке, способы обозначения понятия в языковом знаке, принципы универсальности и специфичности в процессах восприятия слов.

В частности, Гумбольдта интересуют вопросы, связанные с творческим аспектом акта номинации: условиями (субъективными / объективными) и процедурой создания, конструирования нового слова (онтологический аспект), особенностями восприятия, понимания и дальнейшего продуцирования индивидом лексической единицы (функциональный аспект). При этом предметом рассмотрения его теории становится не только «абстрактный» язык, но и **язык конкретного человека**, ранее либо специально не рассматриваемый, либо традиционно отодвигаемый на периферию лингвистических интересов.

Интерес Гумбольдта к антропогенной природе языка, осознанный прежде всего благодаря Э.Б. де Кондильяку [Кондильяк, 1980], проявляется в непреходящей значимости решения вопросов о взаимообусловленности языка и человека, в т.ч. в необходимости анализа фактов словотворчества как феноменов языковой картины мира, языкового сознания и речевого общения, что получает свое логичное развитие в теории генезиса языка и нерасторжимо связанной с ней теории генезиса отдельного слова (см. [Зубкова, 1999, с. 23]).

Происхождение языка определяется Гумбольдтом через призму **внутренних факторов развития**, исходящих прежде всего из природы самого человека, что существенно меняет угол зрения на сущность языка, смещая акцент с конкретно-эмпирических временных рамок на философско-антропологический уровень исследования.

Для Гумбольдта неприемлемо рассмотрение языка как сущности, имеющей конвенциальный характер (возникшей в результате договора людей), где «слово есть не что иное, как знак для существующей независимо от него вещи или такого же понятия» [Гумбольдт, 2001, с. 304]. Подобный подход, избирающий в качестве метода лишь «механическое» понимание и употребление языка, подходит лишь с точки зрения его внешней детерминации, что «убивает всякую одухотворенность и изгоняет всякую жизненность» из любого лингвистического исследования [Там же, с. 304].

Как это было показано уже Платоном, целенаправленный выбор означаемого при «установлении» имени вскрывает онтологическую закономерность примарной мотивированности знака: присвоение имен происходит в силу объективного закона, полностью исключая произвол в их организации [Платон, 1990, с. 385]. В. фон Гумбольдт, продолжая развивать данную точку зрения из античного диалога «Кратил»¹, отмечает, что язык базируется на принципе условности в том смысле, в каком «все члены одной общности понимают друг друга», но постоянное возникновение отдельных слов, «исходящее из природного чувства говорящего» [Там же, с. 304], подвергает сомнению утверждение о его изначальной конвенциальной природе.

Понимание генезиса языка в концепции Гумбольдта определяется пониманием **сущности индивида**: язык возникает из человека, точнее, из его природно-языкового инстинкта, что позволяет определить язык как «творение природы», «интеллектуальный инстинкт разума», поскольку «язык полностью во всех своих взаимосвязях» изначальным образом заложен в человеке, ведь для того, чтобы создать язык, человек «уже должен был быть человеком» [Там же, с. 313–314].

---

¹ Центральный вопрос диалога «Кратил» – является ли внешняя оболочка слова соответствующей «естественной» природе его содержания или она закреплена за данным смыслом согласно определенным закономерностям сущего (конвенции) – получает в современной лингвистике неоднозначное решение, поскольку признание того, что связь между звуком и смыслом знака устанавливается через подобие, не отрицает и возможности существования в языковой системе принципа произвольности.

Вопреки кажущейся структурной сложности языковой системы и механизма ее работы, мгновенное образование языка¹ – единственное логичное решение для поставленной задачи, решаемые через понимание сущности категории внутренней формы, предложенной Гумбольдтом. Именно единый принцип формы пронизывает все части языка, поэтому первое возникшее слово, его языковая форма, есть праоснова неразделимого гносеологического **синтеза языка, человека и мира**, символ возникновения языка из природного первобытного состояния посредством «природы человеческого разума» [Гумбольдт, 2001, с. 314].

Неразрывно связанный с существованием человека², язык постоянно эволюционирует, представляя «развивающийся и вновь воспроизводящийся продукт **словообразовательной потенции**, прежде всего в той основе, которой язык обязан своей формой...» [Там же, с. 112] (здесь и далее выделено нами. – Э.Д.).

Тезис В. фон Гумбольдта об активном характере лексикона языка³ (см. подробно в [Гумбольдт, 2001, с. 112]) имеет несомненную лингводидактическую значимость в современной лингвистике и позволяет обосновать необходимость изучения словообразовательных потребностей и потенций, механизмов и условий их реализации, выявить целый комплекс причин, определяющих деривационно-мотивационные процессы в сфере порождения словообразовательных единиц (онтологический аспект), объединения их на оси деривационной системности (гносеологический аспект), а также объяснить лингвистические критерии их соотношения (функциональный аспект). Как отмечает Н.Д. Голев, в этом смысле В. фон Гумбольдт «предвосхитил оппозицию производимости (словообразования) и воспроизводимости слов, и шире – памяти и креативности» [Голев, 2006, с. 17].

Одним из основных условий реализации творческого потенциала индивида по Гумбольдту является развитие «чувства языка» – «словообразовательного инстинкта», «ключа к образованию слов» [Гумбольдт, 2001, с. 112], т.е. механизмы осуществления лингвокреативной деятельности индивида связаны прежде всего с ядерным, **деривационным компонентом** его языковой способности.

Взаимная обусловленность языковой и индивидуальной потенций позволяет Гумбольдту логично продолжить их рассмотрение в духе диалектического подхода: «... насколько язык объективно действителен и самостоятелен, настолько же он субъективен и пассивен» [Там же, с. 83]. С одной стороны, язык зависим от воздействия индивида, превращающего его в объект своей деятельности, точнее, от той «бессознательной энергии, приводящей в действие человеческую индивидуальность, и от формы, в которую этот процесс выливается» [Там же, с. 227]; с другой стороны, воздействие индивида «с самого начала сковано в своей свободе тем, что им производится и произведено» [Там же, с. 83]. Признанием единства человеческой природы, свободного соответствия между формами духа и формами внешнего мира, тождества субъекта и объекта, их одновременной зависимости и обусловленности, неизменно переходящих друг в друга, подобное противоречие снимается.

Представление о динамическом характере языковой системы связано и с разделением Гумбольдтом языков относительно их развития на первоначальные / поздние, мертвые / живые, развитые / наиболее развитые, несовершенные / совершенные, юношеские / увядающие / устаревшие [Там же, с. 158], – что позволяет определить два периода в их эволюционировании: 1) **звукотворческий**, где

---

¹ Ср.: «Язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, т.е. ему в каждом моменте его бытия должно быть свойственно все, благодаря чему он становится единым целым» [Гумбольдт, 2001, с. 314].

² Ср.: «Язык и жизнь суть нераздельные понятия», «язык живет в речи народа» [Гумбольдт, 2001, с. 112].

³ «Никоим образом нельзя рассматривать словарный запас языка как готовую, застывшую массу» [Гумбольдт, 2001, с. 112].

каждый порыв языка «нарастает и кипит деятельной жизнью»; 2) «видимое **угасание**» **языкотворчества**, «кажущаяся» остановка [Там же, с. 158], что, однако, не отрицает могущих возникнуть новых «искр» жизненного начала.

Восхождение от «простого» к «сложному» в языковой эволюции обусловлено воздействием двух факторов: началом языка, самобытно определяющим его направленность, и влиянием накопленного материала, власть которого «обратно пропорциональна определяющей силе начала» [Гумбольдт, 2001, с. 158]. Условием перехода «умирающей» энергии в «оживляющее» начало является единая сила языка и всеобщее **языкотворческое начало в человеке**, пронизывающее в своей полноте язык, в котором на всех стадиях его эволюционирования вместо иссякающей силы будет заступать «новая, соответствующая очередному отрезку его истинного пути» [Там же, с. 158].

Детерминированность всеобщего развития человека развитием языка, движущаяся по направлению к некоему «идеалу», прототипу структурных свойств языка, определяется Гумбольдтом через вторжение в ход мировых событий духовной силы – поверхностной структуры, скрепленной как «видимыми причинно-следственными связями» [Там же, с. 153], так и имплицитным, таинственным постулатным развитием человечества [Там же, с. 53], в формировании которого проясляется подлинное **творящее начало**. Постоянное противоборство закономерного, постепенного движения языка и непредсказуемого, творческого начала человеческого духа придает каждому вектору развития языковой эпохи свой исторически обусловленный и подготовленный их совместной деятельностью «неповторимый отпечаток» [Там же, с. 48].

Становление личности ярче и очевиднее всего совершается через преобразование мира [Там же, с. 61], а именно в **языкотворческой деятельности**: построении предложений, образовании слов, а также при любом синтезе понятия со звуком¹. Подобные акты самостоятельного творения человека через работу Духа, как считает Гумбольдт, каждый раз позволяют создавать из уже существующего нечто **новое**, определяющее жизненное начало мира, отраженного в человеке, становящегося его языком.

Процесс словотворчества как неотъемлемая часть процесса языкового созидания (языкотворчества)², одно из высших проявлений работы Духа и самобытной силы человеческого разума, предстает в анализируемой концепции как непостижимое, «таинственное соединение мысли со словом» [Там же, с. 166]. Все новое в языке как некий продукт созидательной работы творящей природы обусловлено единой силой, «лежащей в основании всего и развивающейся по неизвестным законам» [Там же, с. 50], поскольку незаурядная, пассионарная личность способна вторгаться в планомерные причинно-следственные связи, существующие между языком и человеком.

Непостижимая природа первопричины развития всего сущего связана прежде всего с рассмотрением языка в **генетическом аспекте**, т.е. через определенную направленность языка на выражение мысли [Там же, с. 51]. Целеполагание нужно искать не в «интенции рассудка» [Там же, с. 123], а в Духе (языке), в том числе и самую звуковую артикуляцию можно назвать интенцией, ведь именно членораздельный звук становится таковым благодаря приданию ему формы. «Гибкость артикуляционных возможностей и ясность чувства флексии» настолько велики,

---

¹ Ср. лингвоперсоналогическую трактовку креативного компонента языковой способности индивида, проявляющегося «в умении использовать элементарные языковые единицы для создания и понимания более сложных речевых произведений как креативно-динамических структур» [Голев, 2006, с. 11].

² В трактовке Гумбольдта категории языкотворчества и словотворчества находятся в гиперонимо-гипонимических отношениях: первое выступает как родовое понятие, второе – как видовое.

отмечает Гумбольдт, что даже «**один конкретный звук** может стать носителем формального отношения» [Там же, с. 124].

Укорененность языка в природе человека как необходимого аспекта развития его духовных сил и формирования мировоззрения [Там же, с. 51], стимулирующих человеческую духовную силу к **постоянной деятельности** [Там же, с. 52], коллективной или индивидуальной, доказывает неразрывное единство языка и человеческого Духа как двух взаимообуславливающих друг друга сил. Главное же воздействие языка на человека проявляется в «его мыслящей и в мышлении творящей силой», имманентной и конструктивной деятельности, определяющей неотделимость языковой и внутренней природы человека [Гумбольдт, 2001, с. 65]. Проявление же Духа, объяснимое скрытым действием внутренней силы, раздвигающим представлением о природе человека, имеет соответствие выражения не только в фундаменте для конструирования нового, но и в возродившемся в нем вдохновении для созданий языка: «они (создания) сеют вокруг себя жизнь, потому что сами вырастают из полноты жизни» [Там же, с. 53].

Язык определяется Гумбольдтом как «акт превращения мира в мысли» [Там же, с. 67], «орган, образующий мысль» [Там же, с. 75], «не продукт деятельности, а деятельность» [Там же, с. 70], «созидающий процесс» [Там же, с. 69], «живое творение, исходящее из себя самого» [Там же, с. 275]. Подобные размышления о творческой составляющей языка позволяют Гумбольдту осмыслить его как «вечно порождающий себя организм», «синтетический процесс», создающий нечто такое, что «не содержалось ни в одной из сочетающихся частей как таковых» [Там же, с. 107]¹.

Суждение В. фон Гумбольдта о «скрытом чувстве аналогии» как составной части формирующей способности языка (ср.: [Антипов, 2001, с. 25]) объясняется тем, что при образовании инновации человек «всегда опирается на то, что уже есть в наличии», поэтому «то, что возникает вновь, образуется по аналогии с уже существующим» [Гумбольдт, 2001, с. 97]. Скрытая аналогия реализуется в постоянном противоборстве начала **свободы человека** в выборе номинации и тех **ограничений**, которые накладываются **языковыми формами**, поскольку то, что уже сложилось в звуковой форме языка, силой «притягивает» к себе новые формы, не позволяя им развиваться иным способом.

Так, звуковой характер языка, получивший свое материальное оформление, имеет конечный набор средств, реализованных посредством алфавита, «который должен служить основой при рассмотрении всех его (*языка*) частей» [Там же, с. 73]; словообразовательные потенции языка ограничены устойчивым кругом значимых морфем, варьироваться же могут только их комбинации. Поэтому для утверждения своей интеллектуальной свободы, для означивания внутренней идеи, индивид должен преодолеть звук, так как «за влиянием языка на человека стоит закономерность языковых форм, за исходящим от человека обратным воздействием на язык – начало свободы» [Там же, с. 84]. Следовательно, принцип аналогии структурирует не только развитие всего нового в языке, на нем строится и соответствие между «человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке, в частности» [Там же, с. 304].

Противостояние сил языка и человека, лежащих в основе нового наименования, связано с наличием в каждом языке субъективного (индивидуального, чувственного) и объективного (языкового, рационального) [Там же, с. 115]. Данные факторы определяют в слове синтез двух начал: ограничение индивидуальной стихии (**фонетическую технику**) и одновременно непреодолимый, необъяснимый феномен свободы, «неподвластной никакому рассудку» (**интеллектуальную**

---

¹ Ср. идентичное понимание категории идиоматичности как «дополнительного компонента значения, наличие которого обусловлено, в частности, специфическим номинативным заданием рождающегося имени» в работе О.В. Батуриной [Батурина, 2004, с. 12].

технику) [Там же, с. 99]. Поэтому в процессе словотворчества оформление мысленного содержания в слове зависит как от интеллектуальной деятельности человека, абстрагирующей от предшествующих обозначений, так и от обозначаемого за счет обращения к возможностям формы, представленной в каждом из языков «одним-единственным направлением» [Там же, с. 100].

Гумбольдт отмечает, что преобладание фонетической техники над умственной несомненно, поскольку слово образует ту **границу**, «вплоть до которой язык в своем созидательном процессе действует самостоятельно» [Гумбольдт, 2001, с. 90]. Однако, несмотря на преимущества звуковой системы над созидющим процессом мысли, именно «внутренняя и чисто интеллектуальная сторона языка и составляет собственно язык» [Там же, с. 100], то, ради чего языкотворчество пользуется звуковой формой¹. Исходя из того, что язык устанавливает определенные «регулирующие схемы», предоставляя право их индивидуального наполнения произволу говорящего, зарождение новой единицы не столько определяется рамками языковой системы, сколько само формирует эти границы для себя.

Словотворчество, как и языкотворчество, неизменно соединяет в себе как **произвольность** в объеме и способе порождения, так и **мотивированность** в самих законах порождения [Там же, с. 78], где первое отражает «произвол» говорящего, а второе – действительную и самостоятельную силу языка. Связность звуковой формы, созданной непосредственно для выражения мысли, «вдыхающей в звук живую душу» [Там же, с. 107], и звука, служащего для мысли одухотворяющим началом, обуславливает мотивационную природу процесса образования нового слова индивидом.

В. фон Гумбольдт отмечает, что связь между звуком и значением есть², поэтому одной из важнейших задач философии языка является «установление истинной связи звучания и значения с тем, чтобы слух, воспринимающий речь, извлекал из звука только его значение и чтобы звук был определен непосредственно для значения и только для него» [Там же, с. 96].

Главное в природе зарождения слова – «артикуляционное чувство, которое подыскивает звуки для понятия» [Там же, с. 103], поэтому образование номинации сводится «к выбору, в соответствии со сходствами, которые имеют место в обеих сферах, звуков, пригодных для обозначения определенных понятий, и к приданию этим звукам более или менее определенной формы» [Там же, с. 110]. Причем звуковые модификации стремятся к приданию слову внутренней полноты и благозвучия [Там же, с. 140], органично уравновешенных благодаря действию языкового чувства в индивиде.

Несмотря на то, что язык обладает лишь «идеальным бытием в головах людей, и никогда материальным» [Там же, с. 158], всякий процесс словотворчества – это стремление индивидуальной мысли к обретению своего языкового статуса, ее движение к своему звуковому воплощению, синтез мысленного (идеального) и звукового (материального) образования.

Согласно Гумбольдту на словотворчество оказывают воздействие **два главных фактора**: во-первых, человеческий Дух как самый активный «воздействователь», потому как большинство изменений языка обусловлено его деятельностью; во-вторых, Дух как первопричина, толкающая человеческую природу на творче-

---

¹ Именно поэтому законы языка образно сравниваются Гумбольдтом с колесами, в которых языкотворческая сила «отчеканивает» звуки [Гумбольдт, 2001, с. 100].

² С освещением данного вопроса связано раскрытие «ключевой проблемы философии языка – диалектики звука и смысла» [Антипов 2002, с. 10], продолжающей оставаться актуальной и для современных системных версий лингвистических концепций (см. работы W.V. Dressler, J. Haiman, T. Givon, O. Fischer, Л.Г. Зубковой, Е.С. Кубряковой, М.Н. Яценецкой, Л.А. Араевой, О.И. Блиновой, Н.Д. Голева, З.И. Резановой, А.Г. Антипова, П.А. Катыхшева, М.Г. Шкуропацкой и др.).

ство, поскольку человек не может породить ничего, что не превратилось бы в «фактор, оказывающий на него воздействие и обуславливающий его дальнейшее творчество» [Гумбольдт, 2001, с. 227].

Процесс образования нового в языке неизбежен, а потому бесконечен: в каждом человеке живет стремление «под действием внешних и внутренних сил порождать язык» [Гумбольдт, 2001, с. 78], а «в каждом новом скрыто еще другое новое» [Там же, с. 305]. Поэтому каждая вновь созданная номинация содержит в себе словообразующие потенции для целого ряда производных единиц¹.

Следует отметить, что процесс словотворчества рассматривается Гумбольдтом не только как звуковое оформление мыслительного содержания (ономасиологический подход), но и как когнитивно-коммуникативный процесс (в современном терминологическом понимании), рассчитанный на адекватное понимание и отражение в сознании адресата информации, заложенной в структуре нового слова (семасиологический подход).

Представление о восприятии словесного знака как необходимого этапа идентификации его когнитивно-дискурсивных характеристик² делает Гумбольдта одним из первых лингвистов, заложившего основы современной теории номинации, описавшего не только этапы зарождения и образования нового слова, но и процессы его восприятия.

Гумбольдт пишет, что слово является результатом осмысления предмета в момент его называния. К этому известному тезису и восходит распространенное в современной лингвистике мнение исследователей о том, что «в информации, заключенной во внутренней форме слова» заключена **субъективная сторона**, т.е. «отражение точки зрения на предмет номинатора» [Голев, 1990, с. 3]. Тем не менее, образование номинации имеет субъективно-объективную природу, поскольку посредством духовного устремления человека слово прокладывает себе путь во внешний мир, оказывая «**объективное** воздействие на индивида, не отрываясь тем не менее от **субъекта**» [Гумбольдт, 2001, с. 77], т.е. продолжая оставаться индивидуальным, несмотря на то, что уже не является принадлежностью только одной языковой личности.

Поскольку речь и понимание есть различные действия одной языковой силы (деятельности Духа) [Там же, с. 77], а только в речи индивида язык достигает своей определенности [Там же, с. 84], то в процессе понимания слова происходит «разделение» индивида на говорящего / слушающего, имеющих тем не менее одинаковую сущность, раздвоенную при сохранении «взаимной соразмерности их частей», благодаря посреднику, «возбуждающему в них согласные душевные движения», каким является **членораздельный звук** [Там же, с. 79].

Несмотря на значимость контекстуальной прикрепленности для понимания слова (ср.: слово «получает свой полный смысл только внутри сочетания, в котором оно выступает» [Там же, с. 168]), в семиотике В. фон Гумбольдта проблема симметрии звука и смысла³ соотнесена с идеей «членораздельности звука», колоссальные ассоциативные потенции последнего ставят под сомнение жесткую конвенциональную закрепленность, несводимость внутреннего плана знака к внешнему, так как единство языкового содержания и языковой формы знака в целом «проистекает из соотнесенности фонетической структуризации с содержательной» [Зубкова, 2001, с. 71].

Членораздельность в большей степени свойственна для восприятия мотивированных, «сложных» слов с расчлененной словообразовательной структурой,

---

¹ Словообразовательных пар, цепей, парадигм, гнезд, типов, категорий.

² См. об этом работы: [Катышев, 2001; 2005].

³ В современном терминологическом понимании можно говорить о категориальном принципе мотивированности производного знака как корреляции его означающего и означаемого диаграмматического характера [Зубкова, 1986, с. 64].

с четким разграничением классов мотивирующего и форманта, где звуковая связность корневой морфемы базируется на общезначимой, устойчивой связи слов и словоформ, изначально присущих системе языка и потому различаемых всеми носителями языкового коллектива [Гумбольдт 2001, с. 91], а значение аффикса «указывает на то отношение, в котором данное слово находится с другими» [Там же, с. 122]. Как отмечает В. фон Гумбольдт, подобная «механическая» экспланаторность языка дает возможность для выведения определенных закономерностей в значении корневых и аффиксальных слогов, которые осуществляются в зависимости от принадлежности языка к типу изоляции / флексии / агглютинации.

Восприятие нового производного слова основывается на законе тождества / различия, постулирующего, что каждое тождество, функционируя в определенной системе, создает элементы различия, поэтому языковая система в процессе семантизации предопределяет рассмотрение словообразовательной структуры конкретной единицы как тождества («**понимание**») и одновременно стимулирует его распад, появление новых качеств (различий) («**понимание непонимания**») (см.: [Араева, 1997, с. 43]).

Общее, что позволяет индивидам интерпретировать значение слова – это установление его границ посредством семиотических возможностей системы («круг языка, которым обведен каждый народ» [Гумбольдт, 2001, с. 80]), с другой стороны, личность имеет определенную степень свободы «как обратное воздействие на язык» [Там же, с. 84], что мотивирует появление различных вариантов интерпретации смысловой наполненности знака.

Будучи творением единой нации и одновременно принадлежностью индивида, язык «полагается на понимание всех, а все определяют его ожидания», – писал В. фон Гумбольдт. Человек создает новое слово так, чтобы быть понятным другими индивидами, поэтому инновация, с одной стороны, воспринимается как продукт создания нации, ее «общее», с другой, как «частное» – создание индивидуальной силы, и «при конкретном употреблении слова оно едва ли вызовет одинаковый образ в представлении индивидов» [Там же, с. 181]. Субъектно-объектная природа словесного обозначения позволяет объединить разнообразные смыслы в одно целое, постоянно совершенствуя их «под влиянием индивидуальных модификаций других людей» [Там же, с. 77].

Соотношение категорий тождества и различия в процессе идентификации нового знака позволяет выделить два уровня в осознании индивидом его словообразовательной формы: 1) выделение некоего эталона (образца, прототипа), представляющего собой обобщение, категоризацию словообразовательных возможностей языковой системы, направляющих процессы порождения, функционирования и восприятия новых единиц в единое русло факторов системной деривации; 2) выделение периферии, тех компонентов словообразовательной формы деривата, которые характеризуют индивидуально-личностные возможности человека.

Поэтому при восприятии словообразовательной структуры слова целесообразно выделять **ядерные компоненты**, свидетельствующие о стабильности осмысления информантами внутренней формы знака, и **периферийные компоненты**, связанные с приоритетом субъективного начала, расширением креативных способностей каждой языковой личности¹.

Таким образом, развитие положений В. фон Гумбольдта о словотворчестве как о содержательном аспекте номинативной деятельности индивида раскрывает мотивационную природу речемыслительной деятельности, выдвигая в теории речепорождения на первый план личность конкретного человека. Подобный под-

---

¹ Продолжение данной линии связано с идеями лингвоперсонологического направления, устанавливающего такие типы языковой личности, как «копиальная» и «креативная» [Голев, 2004, с. 15–16], что соответствует либо минимальной, либо максимальной оценке индивидом параметров внутреннего контекста инновации.

ход позволяет существенно расширить концептуальные границы языковой личности, отвечающей не только за этапы процесса номинации и семантизации производного слова (ономосиолого-семасиологический аспект), но и в целом за динамический характер языковой системы. Значимость креативных индивидуумов для развития языка не подлежит сомнению: именно такие личности нарушают сложившиеся нормы и правила, создают инновации, тем самым «провоцируя» запуск деривационных механизмов, обновляющих систему, способствующих ее эволюционированию.

Литература

Антипов А.Г. Словообразование и фонология: словообразовательная мотивированность звуковой формы. Томск, 2001.

Антипов А.Г. Фонетическая мотивированность производного слова (к проблеме когнитивного моделирования звуковой формы) // Вестник Кемеровского гос. ун-та: Журнал теоретических и прикладных исследований. Серия «Филология». Вып. 4 (12). 2002. С. 10–14.

Араева Л. А. Развитие и функционирование языка в свете теории «различие – тождество» // Явление вариативности в языке: Материалы всероссийской конференции. Кемерово, 1997. С. 43–51.

Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1976. Т. 1.

Батурина О.В. Идиоматичность словообразовательной формы (на материале микологической лексики русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.

Голев Н.Д. Функция мотивировки // Производное слово и способы его образования. Кемерово, 1990. С. 3–12.

Голев Н.Д. Языковая личность и антропотекст в лингвистике и лингводидактике (типологический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2004. С. 15–16.

Голев Н.Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово, 2006. С. 7–27.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2001.

Зубкова Л.Г. О соотношении звучания и значения слова в системе языка (к проблеме «произвольности» языкового знака) // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 55–67.

Зубкова Л.Г. Истоки и эволюция антропологического подхода к языку // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Екатеринбург, 1999. С. 22–28.

Зубкова Л.Г. Категориальная мотивированность означающего и его связи с означаемым (к обоснованию принципа знака) // Актуальные направления функциональной лингвистики. Томск, 2001. С. 69–79.

Катышев П.А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Томск, 2001.

Катышев П.А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы / под ред. Л.А. Араевой. Томск, 2005.

Кондильяк Э.Б. де. Сочинения: В 3 т. М., 1980. Т. 1.

Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1.